

Право детей лиц, осуждённых к лишению свободы, на общение с ними: международный и российский контекст

Наталья Кравчук*

Дети лиц, лишённых свободы, ещё недавно не рассматривались в качестве особой группы. За последние несколько лет, однако, на международном уровне был принят ряд документов, закрепляющих их права, на обеспечение которых государствам следует обратить особое внимание. Одним из таких прав стало право на общение с родителем, лишённым свободы. Теперь оно рассматривается как самостоятельное право ребёнка, а не только как право заключённого на общение с семьёй как в документах Комитета ООН по правам ребёнка, так и в рекомендации Комитета министров Совета Европы. Европейский Суд по правам человека ещё не рассматривал подобные дела с позиции интересов ребёнка, однако его практика содержит важные для реализации права ребёнка стандарты относительно предоставления свиданий, их частоты и условий, в которых они проводятся. В зависимости от специфики правового регулирования положения заключённых учёные разных стран обращают внимание на различные угрозы реализации права ребёнка на общение с родителем-заключённым. В США ключевой проблемой является тот факт, что осуждение к лишению свободы может стать основанием для лишения родителя его родительских прав, европейские учёные говорят о необходимости обеспечения процедурных прав ребёнка и его права на частную жизнь. Внимание российских учёных сосредоточено на положении детей, проживающих вместе с заключёнными матерями, право на общение с родителем, лишённым свободы, ребёнка, проживающего вне учреждения, рассматривается исключительно в контексте прав женщин-заключённых. Реализация права ребёнка на общение с родителем, осуждённым к лишению свободы, в России осложняется не только тем, что оно не предусмотрено в российском уголовно-исполнительно-законодательстве, но и тем, что положения закона, регламентирующие право заключённых на общение с семьёй, не соответствуют международным стандартам – они ставят это право в зависимость от личности и поведения заключённого, носят дискриминационный характер и не исполняются на практике. Обеспечение этого права в России требует от государства принятия целого комплекса мер, первой из которых должно стать учреждение системы сбора данных о соблюдении прав человека в этой области по всей территории России.

→ *Права ребёнка; заключённые; лица, лишённые свободы; право на общение с родителем; уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации; Конвенция о правах ребёнка ООН; Европейский Суд по правам человека*

DOI: 10.21128/2226-2059-2019-4-70-86

1. Введение

Дети лиц, лишённых свободы, по-разному называются в научной литературе, а также докладах экспертных организаций. Все именованные при этом красноречиво говорят об их положении – «забытые дети», «побочные

жертвы», «скрытые жертвы тюрьмы», «ситроты правосудия»¹. Проведённые исследования показывают, что влияние разделения родителей, находящихся под арестом или осуждённых к лишению свободы, и их детей сказывается негативно не только на семье в целом,

* Кравчук Наталья Вячеславовна – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела правопедания Института научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия (e-mail: natkravchuk@mail.ru).

¹ King D. Parents, Children & Prison: Effects of Parental Imprisonment on Children. Research Report Commissioned by the Combat Poverty Agency, Ireland, 2002. P.3. URL: <https://arrow.dit.ie/cgi/viewcontent.cgi?article=1011&context=cserrep> (дата обращения: 03.09.2019).

но и в особенности на детях, которые страдают эмоционально, финансово и подвергаются социальной стигматизации². В качестве самых серьёзных последствий называются полный разрыв отношений между родителем и ребёнком и асоциальное поведение ребёнка, приводящее к изменению траектории его жизни. С другой стороны, как отмечается, регулярное общение детей с родителями в местах лишения свободы помогает снизить негативные последствия и улучшить их поведение³.

В качестве отдельной группы с самостоятельными правами и специфическими нуждами дети лиц, лишённых свободы, были признаны на международном уровне совсем недавно. В настоящее время и ЮНИСЕФ, и Европейская комиссия относят их к категории «особо уязвимых детей»⁴, как на глобальном, так и на региональном уровне принимаются документы, закрепляющие их права и обязанности государств содействовать реализации этих прав.

На национальном уровне, в частности в России, однако, их положение далеко от международных стандартов. Их права не являются предметом законодательного регулирования, а специальные нужды не обеспечиваются государством. Они не фигурируют в качестве отдельной группы в официальных статистических данных. Данные, собираемые по данной тематике, крайне скудны и затрагивают лишь количество женщин, осуждённых к лишению свободы, и количество детей, проживающих в домах ребёнка при колониях⁵.

Отсутствие информации указывается в качестве ключевой проблемы в исследовании правового положения этой категории детей учёными во многих странах⁶. Есть, однако, данные о том, что большинство заключённых не удовлетворены имеющимися возможностями общения с детьми, и заявляют о том, что сохранить с ними близкие отношения им сложно. В качестве причин называются недостаточная длительность свиданий, условия, в которых они проводятся, а также утрата родительского авторитета в результате отсутствия родителя в жизни ребёнка в ключевые периоды жизни⁷.

Право ребёнка на общение с родителем-заключённым, таким образом, является одним из основных для данной категории детей и требует особого внимания со стороны как государственных органов, так и научного сообщества. Российские учёные в настоящее время, как показывает обзор, приведённый ниже, не уделяют ему внимания — ни международные стандарты в этой области, ни практика его реализации в России не исследуются. Этот факт в контексте формирования консенсуса относительно необходимости защиты данной категории детей на уровне Совета Европы делает данную работу ещё более актуальной.

В силу небольшого объёма данного исследования оно вынужденно ограничено, с одной стороны, исследованием права ребёнка на общение с родителем, осуждённым к лишению свободы, с другой — правом ребёнка, живущего вне места лишения свободы (право на общение с родителем, лишённым свободы по другим основаниям, а также право ребёнка, проживающего совместно с родителем-заключённым, на общение со вторым родителем и иными родственниками остаётся за его рамками⁸). Статья состоит из шести частей. Вторая часть, следующая за введением, по-

² См.: Children of Imprisoned Parents: European Perspectives on Good Practice / ed. by K. Philbrick, L. Ayre, H. Lynn. Paris : Children of Prisoners Europe, 2014. P. 41–47; McCormick A. V., Millar H. A., Paddock G. B. In the Best Interests of the Child: Strategies for Recognizing and Supporting Canada's At-Risk Population of Children with Incarcerated Parents. Vancouver : University of the Fraser Valley Center for Safe Schools and Communities, 2014. P. 7, 10. URL: https://cjr.ufv.ca/wp-content/uploads/2015/05/Children-with-Incarcerated-Parents_Amended.pdf (дата обращения: 06.09.2019).

³ См.: Schoenbauer L. J. Incarcerated Parents and Their Children — Forgotten Families // Law and Inequality: A Journal of Theory and Practice. Vol. 4. 1986. No. 3. P. 579–601, 581.

⁴ Children of Imprisoned Parents: European Perspectives on Good Practice / ed. by K. Philbrick, L. Ayre, H. Lynn. P. 17.

⁵ Так, по данным на 1 сентября 2019 года, в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось «43 008 женщин, в том числе 34 127 — в исправительных колониях, лечебных исправительных учреждениях, лечебно-профилактических учреждениях и 8 881 — в следственных изоляторах и помещениях, функционирующих в режиме следственного изолятора при колониях. При женских колониях имеется тринад-

цать домов ребёнка, в которых проживает 460 детей» (Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы // ФЦИН. URL: <http://фцин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 12.09.19).

⁶ См.: McCormick A. V., Millar H. A., Paddock G. B. Op. cit. P. 7, 15.

⁷ См.: King D. Op. cit. P. 54.

⁸ См.: Müller Ph., Rodrigues P. Infants Living with Mothers in Prison: A Father's Perspective // European Journal of Parental Imprisonment. Vol. 7. 2018. P. 12–14; Parkes A., Donson F. Developing a Child's Right to Effective Contact with a Father in Prison — An Irish Perspective // Child Care in Practice. Vol. 24. 2018. No. 2. P. 148–163.

священа международным стандартам защиты права ребёнка на общение с родителем, лишённым свободы, и включает в себя обзор некоторых положений Конвенции ООН о правах ребёнка и стандартов, выработанных Комитетом ООН по правам ребёнка (*далее* — Комитет), правил и принципов ООН относительно обращения с лицами, лишёнными свободы, практики Европейского Суда по правам человека (*далее* — Европейский Суд, ЕСПЧ) и применимых рекомендаций Комитета министров Совета Европы. В третьей части приводятся ключевые вопросы, поднимаемые в зарубежных исследованиях рассматриваемого права. Четвёртая часть посвящена законодательному регулированию права детей лиц, осуждённых к лишению свободы, на общение с ними в российском законодательстве. Пятая — российским исследованиям в этой области. И наконец, в заключении подводятся итоги проведённого исследования.

2. Международные стандарты защиты права ребёнка на общение с родителем, лишённым свободы

В течение последних лет международное право пополнилось значительным объёмом норм, которые — прямо или косвенно — содействуют защите права ребёнка на общение с родителем, находящимся в местах лишения свободы. В первую очередь речь идёт о стандартах, выработанных в рамках системы ООН. На региональном уровне представление об обязанностях государства в этой области дают постановления ЕСПЧ, а также рекомендации Комитета министров Совета Европы.

2.1. Конвенция ООН о правах ребёнка

В отличие от Африканской хартии о правах и благополучии ребёнка⁹ Конвенция ООН о правах ребёнка не содержит отдельного положения о защите прав детей, чьи родители лишены свободы. Однако, исходя из принципа недискриминации, закреплённого в статье 2 Конвенции, которая в том числе запрещает и дискриминацию на основании положения родителей, дети лиц, лишённых свободы, обла-

дают всеми теми правами, что и дети, чьи родители свободны.

Ключевой для данной категории детей является статья 9 Конвенции. Она закрепляет два принципиальных положения: ребёнок не должен разлучаться со своими родителями, за исключением случаев, когда такое разлучение необходимо в наилучших интересах ребёнка; он имеет право поддерживать отношения и контакты с обоими родителями в случае, если они разлучены. Комитет, на периодической основе рассматривающий практику обеспечения этих положений в разных странах, отмечает, что тюремное заключение родителей, в особенности матерей несовершеннолетних детей, представляет серьёзную проблему, поскольку вместе с родителем несёт наказание и ребёнок. Учитывая, что и при совместном проживании ребёнка с родителем в местах лишения свободы, и при разлучении ребёнка с родителем ущемляются его права, Комитет призывает государство к поиску «более конструктивных санкций для родителя, не связанных с лишением свободы». Он призывает обратить внимание на то, что, хотя матери играют особенно важную роль в развитии детей, государства должны учитывать, что лишение свободы отцов также может сказываться на детях крайне отрицательно, лишая их важных ролевых моделей и нередко приводя к обнищанию семьи¹⁰.

Помимо статьи 9 Конвенции ООН о правах ребёнка выделяется ещё ряд статей, закрепляющих наиболее актуальные для этой категории детей права, в том числе статья 2 (защита от дискриминации), статья 3 (принцип учёта наилучших интересов ребёнка), статья 12 (право ребёнка на выражение мнения), статья 16 (право на защиту частной и семейной жизни), статья 19 (защита от всех форм насилия)¹¹, а также статья 5 (права и обязанности родителей), статья 18 (принцип общей и одинаковой ответственности родителей за воспитание и развитие ребёнка)¹² и статья 20 (право на особую защиту ребёнка, лишённого семейного попечения).

¹⁰ См.: Implementation Handbook for the Convention on the Rights of the Child. Geneva : United Nations Children's Fund, 2007. P. 124–125.

¹¹ См.: Children of Imprisoned Parents / ed. by P. Scharif-Smith, L. Gampell. Denmark : Jes Ellehauge Hansen, 2011. P. 5.

¹² См.: Children of Imprisoned Parents: European Perspectives on Good Practice / ed. by K. Philbrick, L. Ayre, H. Lynn. P. 10.

⁹ Статья 30 Африканской хартии (Дети матерей, лишённых свободы).

В 2011 году Комитет посвятил проблеме обеспечения прав детей лиц, лишённых свободы, один из Дней общей дискуссии. Эксперты отметили необходимость сбора данных о количестве детей, чьи родители, находятся в заключении. При проведении этой работы должна учитываться необходимость защиты частной жизни ребёнка. Особое внимание было уделено вопросу доступности для детей учреждений, в которых содержатся их родители. Их размещение необходимо производить таким образом, чтобы денежные расходы не стали препятствием для ребёнка в поддержании регулярного контакта с родителем, а при помещении родителя в учреждение вдали от места жительства ребёнка его семье должна быть оказана финансовая и административная помощь. Для установления устойчивых отношений между членами семьи рекомендуется использовать современные технологии, включая средства видеосвязи. И наконец, эксперты Комитета подчеркнули, что интересы ребёнка должны приниматься во внимание с момента ареста родителя и на всех стадиях производства по делу¹³.

Рассматривая очередной периодический доклад России, Комитет обратил внимание на те же аспекты. В частности, он выразил обеспокоенность тем, что государство не принимает никаких мер по оборудованию специальных блоков в тюрьмах, где дети могли бы проживать вместе со своими матерями, и призвал Россию уделить должное внимание общим условиям содержания под стражей. Он напомнил об особой потребности в контакте ребёнка с родителем в раннем детском возрасте и призвал Россию предусмотреть возможность пересмотра приговора, исходя из учёта наилучших интересов ребёнка, а также обеспечить, чтобы при вынесении приговора родителям и основным кормильцам приоритет отдавался бы наказаниям, не связанным с лишением свободы¹⁴.

2.2. Правила и принципы обращения с лицами, лишёнными свободы

Право ребёнка на общение с родителем, лишённым свободы, может быть адресовано и через обеспечение права заключённого на общение с родственниками. Приведём краткую характеристику документов ООН, содержащих соответствующие стандарты.

*Минимальные стандартные правила в отношении обращения с заключёнными (Правила Нельсона Манделы)*¹⁵ предусматривают, что заключённые (как женщины, так и мужчины) должны иметь возможность регулярно общаться со своими семьями или друзьями как посредством переписки и с использованием телекоммуникационных, электронных, цифровых и иных средств связи, так и в ходе свиданий. Для организации свиданий должны быть предусмотрены процедуры и помещения (правило 58). Необходимость поддержания и укрепления внешних связей дополнительно подчёркивается применительно к осуждённым заключённым (правило 106). Отмечается, что заключённые должны помещаться, по мере возможности, в тюремные учреждения, расположенные вблизи от их дома или места их социальной реабилитации (правило 59), а дисциплинарные взыскания или ограничительные меры не должны включать запрет на контакты с семьёй. Ограничения на контакты с семьёй могут устанавливаться лишь на непродолжительный срок, и только если это требуется для поддержания безопасности и порядка (пункт 3 правила 43).

*Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой-бы то ни было форме*¹⁶ закрепляет схожие положения в виде принципов. В том числе предусматривается, что задержанному или находящемуся в заключении лицу предоставляется право на посещение членами семьи и переписку с ними (принцип 19), а отказ в связи с внешним миром, и в частности

¹³ См.: UN Committee on the Rights of the Child (CRC), Report and Recommendations of the Day of General Discussion on "Children of incarcerated parents", 30 September 2011, § 20, 23, 31. URL: <https://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/CRC/Discussions/2011/DGD2011ReportAndRecommendations.pdf> (accessed: 16.09.2019).

¹⁴ См.: Заключительные замечания Комитета ООН по правам ребёнка по результатам рассмотрения 4-го и 5-го периодических докладов Российской Федерации. CRC/C/RUS/CO/4-5, 25 February 2014, § 47–48.

¹⁵ Приняты на первом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в 1955 году и одобрены Экономическим и Социальным Советом в его резолюциях № 663 С (XXIV) от 31 июля 1957 года и № 2076 (LXII) от 13 мая 1977 года. В дальнейшем были пересмотрены и приняты резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 70/175 от 17 декабря 2015 года.

¹⁶ Принят резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 43/173 от 9 декабря 1988 года.

с его семьёй, возможен лишь в течение периода, не превышающего нескольких дней (принцип 15); если это возможно, такие лица должны содержаться в месте задержания или заключения, находящемся на разумном удалении от его обычного места проживания (принцип 20).

*Правила ООН, касающиеся обращения с женщинами-заключёнными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокские правила)*¹⁷, на данный момент являются уникальным сводом стандартов, регулирующих положение детей, находящихся в местах лишения свободы вместе со своими матерями. Хотя правила разработаны специально для обеспечения прав женщин-заключённых, некоторые из них, включая те, что касаются родительских обязанностей, распространяются и на правонарушителей-отцов (пункт 12 Предварительных замечаний). Что касается вопроса общения с ребёнком, находящимся вне учреждения, где содержится его мать, то, как отмечается в Правилах, они не отменяют принятые ранее правила и принципы ООН, а дополняют и подчёркивают важность их применения к женщинам. Так, согласно правилу 26, контакты женщин-заключённых с их семьями, в том числе с их детьми, а также опекунами и юридическими представителями их детей, одобряются и поощряются всеми разумными способами. Правило 28 предусматривает, что свидания с участием детей (по мере возможности они должны быть продолжительными) должны проходить в обстановке, способствующей получению положительного опыта от посещения, в том числе в плане отношения персонала, и допускать установление непосредственного контакта между матерью и ребёнком. Правило 3 закрепляет гарантию уважения частной жизни ребёнка, а правило 4 — размещение женщин-заключённых в учреждениях, находящихся недалеко от их дома или места социальной реабилитации. И наконец, правило 23 закрепляет уже упоминавшееся выше положение о том, что запрет на контакты с семьёй, особенно с детьми, не может быть мерой дисциплинарного взыскания в отношении женщин-заключённых.

2.3. Практика Европейского Суда по правам человека

Практика Европейского Суда, касающаяся общения заключённых с родственниками, затрагивает вопросы запрета посещения на протяжении определённого периода времени, ограничения частоты и длительности посещений, условий, в которых такие посещения допускаются, а также близости места лишения свободы, в котором содержится родитель, к месту жительства ребёнка. В ряде дел рассматривается вопрос правовых оснований наложения ограничений и качества закона, которым такие ограничения предусмотрены¹⁸.

Общение между лицом, лишённым свободы, и его детьми (подобные дела рассматривались именно в контексте права заключённого, а не права ребёнка заключённого) рассматривается ЕСПЧ в рамках статьи 8 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (*далее* — Европейская Конвенция) (право на защиту частной и семейной жизни). Любое ограничение этого права, в том числе применение таких мер, как ограничение количества свиданий с родственниками, наблюдение за этими свиданиями и, если это оправдано характером преступления, определение заключённому специального режима содержания или специального режима встреч, должно устанавливаться в соответствии с законом, преследовать одну или несколько законных целей, указанных в пункте 2 статьи 8, и к тому же быть необходимым в демократическом обществе, отметил ЕСПЧ в деле *Moiseyev v. Russia*¹⁹. В этом деле Европейский Суд сравнил обстоятельства, в которых право заявителя было ограничено, с обстоятельствами заявителей в ряде итальянских дел, рассмотренных им ранее. В упомянутом им деле *Messina v. Italy (no. 2)*²⁰ власти применяли особый режим содержания, в значительной степени аналогичный тому, который был установлен для Моисеева. Этот режим ограничивал количество свиданий с

¹⁸ См.: Children of Imprisoned Parents / ed. by P. Scharf-Smith, L. Gampell. P. 43.

¹⁹ ECtHR. *Moiseyev v. Russia*. Application no. 62936/00. Judgment of 9 October 2008. § 246.

²⁰ ECtHR. *Messina v. Italy (no. 2)*. Application no. 25498/94. Judgment of 28 September 2000.

¹⁷ Приняты резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 65/229 от 21 декабря 2010 года.

родственниками не более чем двумя в месяц и предусматривал отделение заключённых от посетителей стеклянной перегородкой. Принимая во внимание специфический характер феномена организованной преступности мафиозного типа, в которой семейные связи часто играют решающую роль, Европейский Суд отмечал, что специальный режим являлся эффективным средством для предотвращения контактов заключённых членов мафии с внешним миром и недопущения того, чтобы они могли организовывать и осуществлять преступления внутри и вне тюрьмы. Это привело Европейский Суд к признанию того, что в критической ситуации расследования деятельности мафии, проводимого итальянскими властями, обжалуемые меры были необходимы и соразмерны законной цели (§ 65–67 постановления). Однако в деле *Moiseyev v. Russia* власти не выдвинули никаких доводов в оправдание ограничений, за исключением ссылки на соответствующую статью Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»²¹. Этот закон ограничил максимальное количество свиданий с родственниками двумя в месяц, не оставляя возможности для оценки того, необходимы ли они в каждом конкретном случае. При этом как жена, так и несовершеннолетняя дочь заявителя не были ни свидетелями, ни сообвиняемыми по его уголовному делу, что исключало риск сговора или иного воспрепятствования процессу сбора доказательств. Кроме того, соображения безопасности, применимые к делам о криминальных семейных связях, которые были признаны обоснованными в деле *Messina v. Italy*, со всей очевидностью отсутствовали в данном деле. Учитывая это, Европейский Суд пришёл к выводу, что наложенные ограничения выходили за пределы того, что необходимо в демократическом обществе для «предотвращения беспорядков и преступлений», и привели к нарушению статьи 8 Европейской Конвенции в отношении частоты и продолжительности свиданий с родственниками (§ 254–455 постановления).

В деле *Khoroshenko v. Russia*²², где заявителем выступал приговорённый к пожизненному лишению свободы, ЕСПЧ отметил, что государства – участники Европейской Конвенции пользуются широкой свободой усмотрения в вопросах уголовно-правовой политики, и суровость наказания, по крайней мере в определённой степени, может быть связана с типом режима заключения. При этом Европейский Суд счёл необходимым проанализировать, насколько ограничения, предусмотренные законом в этом деле, были оправданными для достижения целей, на которые ссылались российские власти. Он подчеркнул, что отправной точкой в регулировании права на свидания заключённых, включая осуждённых к пожизненному лишению свободы, является то, что внутригосударственные власти обязаны предотвращать разрушение семейных связей. Практики, касающиеся регулирования свиданий в местах лишения свободы, в разных государствах различны. Минимальная частота свиданий с осуждёнными к пожизненному лишению свободы составляет не менее одного раза каждые два месяца. Большинство государств не проводит различий в этой сфере между осуждёнными пожизненно и другими заключёнными, и в этих странах общепринятый минимум частоты свиданий составляет не менее одного раза в месяц. Россия, таким образом, является единственной юрисдикцией в Совете Европы, которая регулирует свидания в местах лишения свободы всех осуждённых к пожизненному лишению свободы как группы, устанавливая комбинацию крайне малой частоты свиданий и их непродолжительности. Такое положение указывает, по мнению ЕСПЧ, на сужение свободы усмотрения, предоставленной государству-ответчику при оценке допустимых пределов вмешательства в личную и семейную жизнь в данной сфере. Отметив удивительную суровость продолжительности ограничений (десять лет), последствия, к которым привёл полный запрет прямого физического контакта с заявителем и присутствие надзирателя в пределах слышимости в этот период (заявителю не удалось установить тесную связь со своим сыном во время важнейшего периода его детства), а также тот факт, что цели режи-

²¹ Федеральный закон от 15 июля 1995 года № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (в ред. от 26 июля 2019 года) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1995. № 29. Ст. 2759.

²² ECtHR. *Khoroshenko v. Russia*. Application no.41418/04. Judgment of 30 June 2015. § 132–148.

ма не учитывали необходимость перевоспитания и реинтеграции осуждённых к пожизненному лишению свободы, Европейский Суд заключил, что Россия вышла за рамки своей свободы усмотрения и нарушила право заключённого на семейную жизнь.

При определении того, насколько ограничения, наложенные на право заключённого, соответствуют гарантиям статьи 8 Европейской Конвенции, Европейский Суд принимал во внимание такие факторы, как:

- обоснованность ограничения права заявителя на общение с семьёй (*Mozer v. the Republic of Moldova and Russia*²³, § 193);

- время, в течение которого родитель и ребёнок не имели возможности общаться (*Lavents v. Latvia*²⁴, § 139);

- наличие риска того, что заключённый вступит в сговор с посещающим его лицом или будет препятствовать расследованию дела (*Lavents v. Latvia*, § 141);

- природа совершённого заключённым преступления (*Messina v. Italy (no. 2)*, § 66);

- частота, регулярность и длительность свиданий, а также количество посещающих (*Khoroshenko v. Russia*, § 147; *Horych v. Poland*²⁵, § 130);

- меры надзора во время свиданий, в частности присутствие надзирателя (*Khoroshenko v. Russia*, § 146), разделение стеклянной перегородкой (*Messina v. Italy (no. 2)*, § 62).

Несмотря на то что задержание, как и любая иная мера лишения свободы, предполагает ограничение права на частную и семейную жизнь, содействие тюремной администрации в поддержании связи с близкими родственниками является неотъемлемой частью уважения семейной жизни заключённого²⁶. Каким может быть такое содействие Европейский Суд поясняет в определении по делу *Messina v. Italy (no. 2)*, где нарушение ЕСПЧ установлено не было. Право заявителя на общение с семьёй в этом деле было значительным образом ограничено, поскольку он был осуж-

дён за торговлю наркотиками и членство в мафиозной организации, в связи с чем ему, в соответствии с действующим законодательством, был назначен особый тюремный режим. Власти, однако, несколько раз принимали решения послаблении режима. Это, с точки зрения Европейского Суда, свидетельствовало о стремлении администрации помочь заявителю поддерживать контакт с родственниками настолько, насколько это было возможно (§ 62, 72, 73). В деле *Horych v. Poland* заявитель утверждал, что его право на семейную жизнь было нарушено не только наложенными на него ограничениями, но и невозможностью провести положенные ему свидания из-за отсутствия условий, необходимых для нахождения на территории учреждения несовершеннолетних девочек (они вынуждены были проходить по коридору между рядами камер с заключёнными, чьи взгляды и реакция были для них травматичны), отсутствия прямого физического контакта с дочерьми во время свиданий, а также — графика свиданий. ЕСПЧ отметил, что посещение заключённых детьми требует создания специальных условий. Позитивные обязательства государства включают в себя обязанность обеспечить приемлемые условия для свиданий с детьми в — насколько это возможно — спокойной обстановке. Именно неспособность властей организовать такие условия привела к тому, что заявитель, видевший, насколько негативное воздействие оказывают посещения учреждения на его дочерей, был вынужден воздерживаться от свиданий с ними (§ 39, 131).

И наконец, немаловажно, что и в контексте родительских прав заключённых ЕСПЧ отметил, что в период заключения лица продолжают пользоваться всеми фундаментальными правами и свободами, за исключением права на свободу. Дополнительные санкции (такие как лишение родительских прав), автоматически применяемые к такому лицу, противоречат Европейской Конвенции. Так, в постановлении по делу *Sabou and Pircalab v. Romania*²⁷ Европейский Суд отметил, что преступление, за которое был осуждён заявитель, было абсолютно не связано с вопросами осуществления им его родительских обязан-

²³ ECtHR. *Mozer v. the Republic of Moldova and Russia*. Application no. 11138/10. Judgment of 23 February 2016.

²⁴ ECtHR. *Lavents v. Latvia*. Application no. 58442/00. Judgment of 28 November 2002.

²⁵ ECtHR. *Horych v. Poland*. Application no. 13621/08. Judgment of 17 April 2012.

²⁶ См., например: ECtHR. *Ostrovar v. Moldova*. Application no. 35207/03. Judgment of 13 September 2005. § 105.

²⁷ ECtHR. *Sabou and Pircalab v. Romania*. Application no. 46572/99. Judgment of 28 September 2004. § 48.

ностей, и он никогда не обвинялся в том, что не заботился о своих детях или плохо с ними обращался. Законодательство Румынии между тем предусматривало автоматическое и негибкое применение запрета на осуществление родительских прав в качестве дополнительного наказания, назначаемого любому лицу, осуждаемому к лишению свободы без осуществления в таких случаях судебного надзора, учёта характера преступления, за совершение которого осуждается лицо, и интересов ребёнка. Соответственно, такое дополнительное наказание представляет собой скорее моральную санкцию, направленную на то, чтобы покарать осуждённое лицо, а не меру по защите интересов ребёнка.

2.4. Рекомендации Комитета министров Совета Европы

*Европейские пенитенциарные правила*²⁸, хотя и являются документом рекомендательного характера, оказывают значительное влияние на формирование практики обеспечения прав заключённых в Европе. На них ссылаются в своих постановлениях и ЕСПЧ²⁹. Стандарты, закреплённые в Правилах, соответствуют тем, что выработаны в рамках ООН. Так, согласно правилу 24 заключённым разрешается максимально часто общаться по почте, телефону или с помощью иных средств связи со своими семьями, другими лицами и представителями внешних организаций, разрешается также посещение заключённых указанными лицами. При этом посещения должны быть организованы таким образом, чтобы дать лицам, лишённым свободы, возможность максимально естественно поддерживать и укреплять семейные отношения (пункты 1 и 4). Общение и посещения могут быть ограничены или поставлены под контроль, если это необходимо для продолжения уголовного расследования, поддержания порядка и безопасности, предотвращения уголовных преступлений и защиты жертв пре-

ступлений, однако такие ограничения должны допускать приемлемый минимальный уровень общения. Наказание заключённого не должно предусматривать полное запрещение контактов с семьёй (пункт 2 правила 24 и пункт 4 правила 60).

*Рекомендация «О детях, родители которых осуждены к тюремному заключению»*³⁰, утверждённая Комитетом министров в 2018 году, представляет собой первый документ, в котором идёт речь не о правах заключённого на общение с семьёй, в частности с детьми, и не только о нуждах ребёнка, а о его правах, в том числе праве на регулярное общение с родителем, лишённым свободы. Имея в своей основе Конвенцию по правам ребёнка и другие тематические документы ООН, а также учитывая практику ЕСПЧ, Рекомендация объединяет в себе все приведённые выше гарантии как гарантии прав ребёнка и несёт в себе важный посыл — дети заключённых не являются лицами, которым предоставляются некоторые права по усмотрению администрации учреждения, где содержатся их родители. Они являются полноценными субъектами прав и нуждаются в дополнительной заботе государства с тем, чтобы их возможности минимально отличались от возможностей других детей³¹. Появление этого документа со всей ясностью свидетельствует о начале нового этапа — признания права ребёнка на общение с родителем, лишённым свободы, в качестве самостоятельного права, реализация которого не может быть поставлена в зависимость от поведения его родителя или отсутствия необходимых для пребывания ребёнка в пенитенциарном учреждении условий.

3. Зарубежные исследования в области права ребёнка на общение с родителем, лишённым свободы

Проблема прав детей, чьи родители лишены свободы, всё более подробно регламентируемая на международном и региональном уровне, привлекла внимание и академического сообщества. Исследования показывают, что

²⁸ Утверждены рекомендацией Комитета министров Совета Европы Rec. (2006) 2. Действующая редакция является переработанной, в соответствии с практикой ЕСПЧ и стандартами Европейского Комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, версией Правил, утверждённых рекомендацией Комитета министров Совета Европы Rec. (87) 3.

²⁹ См., например: ECtHR, *Ramirez Sanchez v. France*. Application no. 59450/00. Judgment of 4 July 2006.

³⁰ Утверждены рекомендацией Комитета министров Совета Европы Rec. (2018) 5.

³¹ См.: *Philbrick K.* The New Council of Europe Recommendation and Children Living with a Parent in Prison // *European Journal of Parental Imprisonment*. Vol. 7. 2018. P.8–9, 8.

поддержание семейных отношений благоприятно сказывается не только на заключённых, облегчая и ускоряя их реабилитацию, но и на детях. Само по себе осуждение родителя к лишению свободы негативно влияет на ребёнка, отсутствие же контакта с родителем в дальнейшем ещё более усиливает последствия утраты родительского попечения (включая агрессивное поведение, нарушение сна, кошмары и прочее)³².

Усилиями учёных, рассматривающих общение между заключёнными и их детьми через призму прав ребёнка и его наилучших интересов, право ребёнка, живущего вне места лишения свободы, стало обретать наполнение. Отмечается разница между правом ребёнка, который лишён свободы, на общение с родителями (статья 37 Конвенции ООН о правах ребёнка), и правом ребёнка на общение с родителем-заключённым. Во втором случае на государстве лежит дополнительная обязанность уведомлять ребёнка о местонахождении родителя (пункт 4 статьи 9 Конвенции ООН о правах ребёнка)³³. Хотя это право не абсолютно, ключевым фактором, который должен учитываться при принятии решения о его ограничении, являются наилучшие интересы ребёнка. В этом контексте Шарфф-Смит и Гампел критикуют практику ЕСПЧ, игнорирующего интересы ребёнка по данной категории дел³⁴. При том, что Европейский Суд внёс значительный вклад в концептуализацию прав заключённых в Европе, включая их право на семейную жизнь, он уклонялся от рассмотрения вопроса о соблюдении права ребёнка на общение с его родителем даже в делах, где ребёнок фигурировал в качестве заявителя. Так, в деле *Kleuver v. Norway*³⁵ он рассматривает только нарушения прав матери, объединяя интересы ребёнка с её интересами. Аргументация Европейского Суда, по выражению авторов, «поразительна»: при оценке различных интересов, таких как поддержание общественного порядка, предот-

вращение беспорядков или преступлений и защита прав и свобод других лиц, он не учитывает интересы ребёнка, ссылаясь на то, что заявительница знала о своей беременности, когда совершала правонарушение, а её содержание в тюрьме с определённым режимом, исключая совместное проживание с ребёнком, обосновано тяжестью её преступления и попыткой побега. Таким образом, в подобных делах, как и в делах, затрагивающих вопросы иммиграции (воссоединение семьи, высылка родителя из страны), вопрос ответственности родителя оказывается более важным по отношению к соблюдению прав ребёнка. В отличие от дел об изъятии ребёнка из семьи и определении прав родителя на общение с ребёнком после развода, где ЕСПЧ обращает внимание на влияние на ребёнка его разлучения с родителем, в делах, затрагивающих положение заключённых, он этот фактор не учитывает³⁶.

Лиёфаард обращает внимание на важность обеспечения процедурных прав ребёнка — права на выражение мнения и права на доступ к правосудию³⁷. Мнение ребёнка должно быть учтено как при принятии решения о лишении свободы его родителя, так и при рассмотрении вопроса об устройстве ребёнка. Для реализации этого права ребёнок должен быть соответствующим образом информирован и иметь доступ к специалистам с опытом работы с детьми³⁸. Право ребёнка на доступ к правосудию в ситуации, когда его родитель лишён свободы, в первую очередь означает наличие возможности обжаловать действия должностных лиц, нарушающих его права (право аналогичное соответствующему праву заключённого). Орган, рассматривающий такие жалобы, должен быть создан на основании закона и иметь полномочия принимать обязательные для последующего исполнения решения. Лиёфаард отмечает, что существующие в европейских странах органы, уполномоченные рассматривать такие жалобы, создавались без учёта возможности их использования детьми и не являются «дружественны-

³² См.: Robertson O. Child Rights: Some Long-Term Perspectives // European Journal of Parental Imprisonment. Vol. 1. 2015. P. 22–23, 22.

³³ Liefaard T. Rights of Children of Incarcerated Parents: Towards More Procedural Safeguards // European Journal of Parental Imprisonment. Vol. 1. 2015. P. 13–15, 13.

³⁴ Children of Imprisoned Parents / ed. by P. Scharff-Smith, L. Gampell. P. 31.

³⁵ ECtHR. *Kleuver v. Norway*. Application no. 45837/99. Decision of 30 April 2002.

³⁶ Children of Imprisoned Parents / ed. by P. Scharff-Smith, L. Gampell. P. 46–47.

³⁷ Liefaard T. Op. cit. P. 14.

³⁸ Haász V. Children of Imprisoned Parents – A Child Rights Perspective // “Fostering Human Rights Among European Policies” project: Seminar paper. Venice : European Inter-University Centre for Human Rights and Democratization, 2017. P. 4.

ми к детям». Использование таких органов предполагает наличие у ребёнка информации о них и их работе. Кроме того, сложно себе представить, что ребёнок сможет подать жалобу без посторонней помощи. Соответственно, для реализации его права необходима система юридической и иных видов помощи³⁹. В идеале для защиты его права на общение с родителем каждому ребёнку должен назначаться специальный представитель — *guardian ad litem*.

Очевидно, что право ребёнка на общение с родителем, лишённым свободы, требует принятия властями разнообразных практических мер, включая создание достойных условий свиданий, введение часов свиданий, которые позволили бы ребёнку увидеться с родителем без значительного ущерба для учёбы, использование современных технологий связи⁴⁰. Ноффке обращает внимание на ещё одну требующую внимания область — право ребёнка на частную жизнь (статья 16 Конвенции ООН о правах ребёнка) может войти в конфликт с обязательством государства вести учёт детей, чьи родители лишены свободы. В этой связи возникает ряд практических вопросов, в том числе вопрос о том, как осуществлять сбор информации так, чтобы это не приводило к стигматизации детей. Чрезмерно жёсткий подход, такой как в Новой Зеландии, где каждое посещение ребёнком родителя должно быть зарегистрировано и/или одобрено, может негативно сказаться на желании детей осуществлять такие визиты⁴¹. Неожиданным фактором, влияющим на поддержание контакта между заключёнными и их детьми, стало их нежелание в некоторых случаях видеться с детьми⁴². Изучение причин этого и введение мер, направленных на восстановление контакта между детьми и родителями, требуют дополнительных усилий.

Иная тематика исследований главенствует в научной среде США. Это продиктовано тем, что, как постановил Верховный суд США, осуждение к лишению свободы лишает за-

ключённых многих их прав⁴³. И хотя он не указывал в этой связи на родительские права напрямую, сохранить их заключённым крайне сложно, поскольку согласно Закону об усыновлении и безопасных семьях 1997 года (англ.: *Adoption and Safe Families Act*) процесс лишения родительских прав начинается, если ребёнок находился в приёмной семье в течение 15 из последних 22 месяцев⁴⁴. Целью закона является долгосрочное устройство ребёнка, однако ни дети, ни их матери от этого не выигрывают, поскольку и те, и другие лишаются возможности воссоединиться — после того, как родитель был лишён родительских прав, их восстановление происходит крайне редко. Во избежание разрушения семьи предлагается использовать лишение свободы как меру наказания матерей лишь в крайнем случае, принять в качестве приоритета сохранение взаимоотношений матери и ребёнка и создать возможности для их общения⁴⁵ — меры, аналогичные тем, что применяются в Европе.

Учёные отмечают появление на уровне отдельных штатов законов, закрепляющих права детей заключённых. Так, в 2018 году Билль о правах детей, чьи родители лишены свободы (англ.: *Bill of Rights of Children with Incarcerated Parents*), был принят в штате Орегон. Билль перечисляет права таких детей, в том числе право быть принятым во внимание при принятии решений, право разговаривать, видеть и касаться заключённого родителя и право иметь отношения с родителем-заключённым на протяжении всей жизни. В процессе подготовки цель закона изменилась и теперь он закрепляет не обеспечиваемые государством права, а права как идею. Соответственно, механизма реализации прав не предусматривается⁴⁶. Несмотря на это, само по себе принятие подобного закона рассматривается как шаг в верном направлении. Ведь в настоящее время право ребёнка на общение с родителем, лишённым

⁴³ Halter E. Parental Prisoners: The Incarcerated Mother's Constitutional Right to Parent // *Journal of Criminal Law and Criminology*. Vol. 108. 2018. No. 3. P. 539–567, 545, 566.

⁴⁴ 91 % заключённых матерей осуждены сроком на восемнадцать месяцев и более.

⁴⁵ Covington R. Incarcerated Mother, Invisible Child // *Emory International Law Review*. Vol. 31. 2016. No. 1. P. 99–133, 114.

⁴⁶ Bardol S. Oregon's Bill of Rights for Children of Incarcerated Parents: A Step in the Right Direction // *Oregon Law Review*. Vol. 97. 2018. No. 1. P. 255–275, 263, 275.

³⁹ Liefjaard T. Op. cit. P. 15.

⁴⁰ Ibid. P. 14.

⁴¹ Nojffe A. Data Collection: Ethical Considerations and Practical Challenges // *European Journal of Parental Imprisonment*. Vol. 5. 2017. P. 4–5, 4.

⁴² Children of Imprisoned Parents: European Perspectives on Good Practice / ed. by K. Philbrick, L. Ayre, H. Lynn. P. 65.

свободы, скорее представляется не правом, а привилегией, предоставляемой детям администрацией отдельных учреждений, их интересы не учитываются и при вынесении судом решений о лишении свободы их родителей⁴⁷.

4. Право детей лиц, осуждённых к лишению свободы, на общение с ними в законодательстве Российской Федерации

Правовое положение лиц, осуждённых к лишению свободы, регламентируется в первую очередь Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации (*далее* — УИК РФ)⁴⁸. Норм, закрепляющих гарантии права заключённого на общение с родственниками, в нём немного, и в своей совокупности они свидетельствуют о том, что это право не расценивается законодателем как фундаментальное. Право ребёнка на общение с родителем УИК РФ не предусмотрено и может быть реализовано только через право заключённого на краткосрочные и длительные свидания.

Часть 1 статьи 73 УИК РФ закрепляет положение о том, что осуждённые к лишению свободы, по общему правилу, отбывают наказание в исправительных учреждениях в пределах территории субъекта РФ, в котором они проживали или были осуждены. Это положение, несомненно, призвано содействовать сохранению связи заключённого с семьёй и соответствует международным стандартам. Оно, однако, как отмечают учёные, не всегда исполняется.

Порядок предоставления свиданий заключённым закреплён в статье 89 УИК РФ. Осуждённым к лишению свободы предоставляются краткосрочные свидания продолжительностью четыре часа и длительные свидания продолжительностью трое суток на территории исправительного учреждения. Краткосрочные свидания предоставляются с родственниками или иными лицами в присутствии надзирателя. Длительные свидания предоставляются с правом совместного проживания с супругом (супругой), родителями, детьми, усыновителями, усыновлёнными, родными братьями и сёстрами, дедушками,

бабушками, внуками, а с разрешения начальника исправительного учреждения — с иными лицами. Осуждённым женщинам, имеющим ребёнка в возрасте до четырнадцати лет, а также осуждённым мужчинам, имеющим ребёнка в возрасте до четырнадцати лет и являющимся единственным родителем, за некоторым исключением, могут предоставляться дополнительные длительные свидания с ребёнком в выходные и праздничные дни с проживанием (пребыванием) вне исправительного учреждения, но в пределах муниципального образования, на территории которого расположено исправительное учреждение. Формулировка статьи вызывает критику. Во-первых, не определён круг лиц, которым предоставляются краткосрочные свидания, а также не перечислены исключительные случаи, когда иным лицам предоставляются длительные свидания. Следовательно, толкование этой нормы полностью зависит от усмотрения администрации, что обуславливает её нарушение⁴⁹. Во-вторых, норма предусматривает разный объём прав для матерей и отцов — дополнительные длительные свидания с ребёнком до четырнадцати лет предоставляются всем женщинам, но лишь тем мужчинам, которые являются единственным родителем ребёнка.

Количество свиданий заключённых варьируется в зависимости от вида учреждения, в котором они содержатся. В исправительных колониях общего режима (статья 121 УИК РФ) им положено шесть краткосрочных свиданий и четыре длительных свидания в течение года при обычных условиях, шесть краткосрочных и шесть длительных свиданий при облегчённых условиях, два краткосрочных и два длительных свидания при строгих условиях. Матерям и отцам, являющимся единственным родителем ребёнка до четырнадцати лет, с учётом их личности и поведения, могут предоставляться дополнительные длительные свидания с ним. Осуждённым, отбывающим наказание в облегчённых условиях, в целях успешной социальной адаптации за шесть месяцев до окончания срока наказания разрешается проживание за пределами исправительной колонии совместно с

⁴⁷ Boudin C. Children of Incarcerated Parents: The Child's Constitutional Right to the Family Relationship // *Journal of Criminal Law and Criminology*. Vol. 101. 2011. No. 1. P. 77–118, 80, 100.

⁴⁸ СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

⁴⁹ Минстер М.В. Правовое регулирование и практика реализации права на свидания женщин, осужденных к лишению свободы // *Вестник Сибирского университета потребительской кооперации*. 2016. № 3–4 (18). С. 98–102, 99.

семьей или детьми в жилых помещениях, находящихся в их собственности или пользовании. В исправительных колониях строгого режима (статья 123 УИК РФ) заключённым положено три краткосрочных и три длительных свидания в течение года при обычных условиях, четыре краткосрочных и четыре длительных свидания при облегчённых условиях, два краткосрочных свидания и два длительных свидания при строгих условиях. В исправительных колониях особого режима (статья 125 УИК РФ) — два краткосрочных и два длительных свидания с родственниками в год при обычных условиях, три краткосрочных и три длительных свидания при облегчённых условиях, два краткосрочных и одно длительное свидание в год при строгих условиях. В тюрьмах (статья 131 УИК РФ) — два краткосрочных и два длительных свидания в год при общем режиме и два краткосрочных свидания в год при строгих условиях. Дополнительно, статья 97 предусматривает возможность выезда осуждённых за пределы исправительных учреждений для свиданий с ребёнком в возрасте до четырнадцати лет — два выезда в год на срок до десяти суток каждый, не считая времени, необходимого для проезда туда и обратно, — и для встреч с ребёнком-инвалидом — четыре выезда в год на срок до пятнадцати суток каждый.

Помимо возможности общаться с ребёнком во время свиданий осуждённые к лишению свободы могут воспользоваться правом на телефонные разговоры (статья 92 УИК РФ). Продолжительность каждого разговора не может превышать пятнадцать минут. При этом при отсутствии технических возможностей администрацией исправительного учреждения количество телефонных разговоров может быть ограничено до шести в год.

Если не учитывать дополнительные возможности, которые могут быть предоставлены родителям ребёнка-инвалида или родителям-одиночкам (условия, распространяющиеся далеко не на всех родителей, осуждённых к лишению свободы), то приходится признать, что количество длительных свиданий, в рамках которых ребёнок может побыть со своим родителем, крайне мало и не соответствует международным стандартам. Впрочем, и такие условия отбывания наказания для лиц с детьми были установлены совсем недавно и могут считаться улучшением ситуации. Ряд

возможностей для дополнительных свиданий с ребёнком как на территории учреждения, где содержится родитель, так и вне его, а также право на длительные свидания осуждённых, содержащихся в строгих условиях, были введены Федеральным законом от 26 июля 2017 года № 200-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации в целях защиты прав детей, родители которых отбывают наказание в виде лишения свободы»⁵⁰. Возможность покинуть учреждение для длительного свидания с ребёнком, однако, распространяется не на всех родителей. Исключения составляют осуждённые при особо опасном рецидиве преступлений; осуждённые, которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы; осуждённые к пожизненному лишению свободы; осуждённые, больные открытой формой туберкулёза; осуждённые, не прошедшие полного курса лечения венерического заболевания, алкоголизма, токсикомании, наркомании; ВИЧ-инфицированные осуждённые (статья 97 УИК РФ). Специалисты усматривают в последнем положении дискриминацию на основании наличия ВИЧ-инфекции⁵¹.

Ещё одно значительное изменение затронуло заключённых, осуждённых к пожизненному лишению свободы. Ранее они имели право на длительное свидание только по истечении десяти лет срока отбывания наказания. Им разрешались только краткосрочные свидания, причём заключённые могли ими пользоваться только два раза в год. В 2016 году Конституционный Суд РФ признал соответствующими положения УИК РФ не соответствующими Конституции РФ во взаимосвязи со статьёй 8 Европейской Конвенции в её интерпретации Европейским Судом⁵². Изменения, внесённые в УИК РФ, позволяют осуждённым к пожизненному лишению свободы пользоваться одним длительным свиданием в год.

При том, что недавние изменения в порядке предоставления свиданий лицам, осуждённым

⁵⁰ СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4749.

⁵¹ Рыкова А. Правозащитники просят Минздрав разрешить осуждённым с ВИЧ видеться с детьми // Тюрьма и воля. 2017. 18 августа. URL: <http://www.prison.org/content/pravozashchitniki-prosyat-minzdrav-razreshit-osuzhdyonnym-s-vich-videtsyas-s-detmi-0> (дата обращения: 27.08.19).

⁵² Постановление Конституционного Суда РФ от 15 ноября 2016 года № 24-П.

ным к лишению свободы, свидетельствуют о некоторой либерализации уголовно-исполнительного законодательства и попытках привести его в соответствие с международными стандартами в этой области, в частности с постановлениями ЕСПЧ, сложно сказать, как они повлияли на право ребёнка на общение с родителем-заключённым на практике. Системные исследования в этой области отсутствуют. Немногочисленные имеющиеся данные свидетельствуют о том, что многим о новшествах не известно. Не имея информации и юридической поддержки, заключённые не заявляют о своих намерениях реализовать право на дополнительные свидания⁵³.

Вторым документом, регламентирующим жизнь осуждённых к лишению свободы, являются Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений⁵⁴. Во многом они лишь дублируют соответствующие нормы УИК РФ, но есть в них и несколько положений, требующих комментария. Первое, что привлекает внимание, — право на общение с родственниками (право на семейную жизнь) отсутствует в перечне основных прав осуждённых, перечисленных в пункте 13. Это может свидетельствовать как об отсутствии понимания необходимости регламентации реализации этого права, так и о намерении её избежать с тем, чтобы сохранить большую свободу усмотрения. Второе требующее внимания положение закреплено в пункте 70 Правил. Он устанавливает, что количество лиц, допускаемых на длительное свидание, определяется с учётом вместимости комнат длительных свиданий и графика предоставления свиданий. Именно административные соображения, а не вопросы безопасности, право заключённого или интересы его родственников, в том числе детей, таким образом, являются главенствующими при принятии решения относительно свидания.

Подводя итог обзору законодательного регулирования права детей лиц, осуждённых к лишению свободы, на общение с ними, отметим, что и так незначительное количество дней и часов, которые ребёнок может провести с родителем, уменьшается при его водворении в штрафной изолятор — в соответствии со статьёй 118 УИК РФ таким лицам свидания с родственниками запрещаются. При предоставлении дополнительных длительных свиданий с ребёнком, предусмотренных пунктом 1.1 статьи 121, администрацией учреждения принимаются во внимание личность и поведение заключённого. Иными словами, реализация права ребёнка зависит от поведения родителя, а его наказание становится наказанием и для его ребёнка. Такой подход явно противоречит международным стандартам прав человека.

5. Российские исследования в области прав детей, чьи родители лишены свободы

На фоне значительного объёма зарубежных исследований привлекает внимание отсутствие интереса к рассматриваемой теме у российских учёных. В то время как в Западной Европе и США предметом изучения является влияние (как психологическое, так и финансовое) на ребёнка лишения его родителя свободы, содержание права ребёнка на общение с родителем-заключённым, а также меры, которые необходимо принять для сохранения связи между родителями и детьми и защиты их права на общение⁵⁵, в России доктрина сфокусирована на положении детей, рождённых в местах лишения свободы и/или живущих там с матерями, и вопросах их устройства в ситуациях, когда их совместное проживание с матерями невозможно⁵⁶. Именно

⁵³ Проект «Эффективная юридическая помощь в решении социально-правовых проблем женщин, отбывающих наказание и освобождающихся из учреждений ФСИН Ростовской области» // Фонд президентских грантов. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=441C1FE4-F9C8-441F-B6A1-59792D49BC95#winner-social> (дата обращения: 27.08.19).

⁵⁴ Приказ Министерства юстиции РФ от 16 декабря 2016 года № 295 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений» (в ред. от 27 июня 2019 года) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 27 декабря 2016 года.

⁵⁵ См.: King D. Op. cit.; Bouregba A. Resettlement and the Importance of Family Ties // European Journal of Parental Imprisonment. Vol. 4. 2016. P. 3–4.

⁵⁶ Абашидзе А. А. Усилия государства по улучшению участи беременных женщин и женщин с маленькими детьми в местах лишения свободы // Актуальные проблемы современного международного права: материалы XV Международного конгресса «Блищенковские чтения» / отв. ред. А. Х. Абашидзе, Н. Н. Емельянова. М. : РУДН, 2018. С. 10–21; Нестеров А. Ю. Дети, рождённые в тюрьме: их жизненные траектории (проблемы социализации и посттюремной адаптации): вопросы теории и практики // Концепции фундаментальных и прикладных научных исследований : сб. статей междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. А. Сукиасян.

контекст положения осуждённой матери и её прав является главенствующим в этой области российской науки. Он рассматривается в исторической перспективе⁵⁷ и в контексте международных стандартов в этой области⁵⁸.

Характеризуя положение в этой сфере в целом, М. В. Минстер отмечает, что российское уголовное-исполнительное законодательство ориентируется на рекомендации международных стандартов и строится на принципах гуманизма, дифференциации и индивидуализации исправительного воздействия в соответствии с режимными требованиями в процессе исполнения наказания, мерами социальной и психологической поддержки осуждённых женщин⁵⁹. Он, однако, приводит данные исследований 2009 года, согласно которым по месту жительства отбывают наказания 37,9 % женщин, по месту осуждения — 53,1 %, остальные 9 % — в исправительных учреждениях, расположенных на территории других субъектов РФ, что имеет негативное воздействие на перспективы сохранения социальных связей в период отбывания наказания. Отмечаются и нарушения прав женщин на свидания. Согласно результатам исследования, проведённого в женских исправительных колониях в 2009—2016 годах, на вопрос «Использовали ли Вы право на длительные свидания на территории колонии?» ответ «да» дали 24,4 % осуждённых женщин, «частично» — 7,7 %, «нет» — 67 %. Причинами неиспользования права на длительные свидания являются: отдалённость колонии от прежнего места жительства осуждённой жен-

щины (39,9 %), отсутствие у родственников материальных возможностей для осуществления такого свидания (48,2 %), иные причины (11,9 %). При этом анализ представлений Новосибирской прокуратуры по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях за 2012—2016 годы показал, что главной причиной отказа администрации исправительной колонии в свиданиях является отсутствие достаточного количества комнат для проведения свиданий. Таким образом, для соблюдения права женщины на общение с родными (а равно и соблюдения права ребёнка на общение с матерью, находящейся в местах лишения свободы. — Н. К.) необходимо «ни при каких обстоятельствах не устанавливать ограничения в праве на краткосрочные и длительные свидания, если это не связано с предупреждением преступлений», обеспечить учреждения комнатами для проведения свиданий и обеспечить соблюдение гарантии части 1 статьи 73 УИК РФ об отбывании наказания в исправительных учреждениях в пределах территории субъекта РФ, в котором они проживали или были осуждены⁶⁰. Отметим, что мнение о необходимости в максимальном объёме обеспечить общение между заключёнными и их родными не является единодушным. Так, Л. А. Сошина, признавая, что сохранение семейных отношений, контакт с ребёнком, проявление материнской любви являются важными стимулирующими факторами на пути матери к исправлению, то есть являются, по сути, не только правом заключённого и его ребёнка, но и общественным интересом, считает, что, хотя сам факт лишения свободы не является основанием для прекращения материнства в условиях отбывания наказания, он является основанием для ограничения права на контакт матерей-заключённых со своими детьми⁶¹.

Подводя итог, повторим, что, несмотря на существование некоторого количества исследований, посвящённых праву матери-осуждённой на общение с ребёнком, косвенно затрагивающих и права ребёнка, можно сказать, что само по себе право ребёнка на общение с родителем, находящимся в местах лишения свободы, находится вне сферы внимания российской правовой науки.

Уфа : МЦИИ ОМЕГА САЙНС, 2016. С. 178—203; *Основа Т. В., Копылова Н. А.* Меры попечения о детях, оставшихся без присмотра и помощи в связи с задержанием или заключением обвиняемого под стражу // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2016. № 3. С. 78—82.

⁵⁷ *Омельченко О. А.* Правовое положение беременных женщин и женщин с малолетними детьми в местах лишения свободы на разных этапах исторического правового развития российского государства // Вестник Владимирского юридического института. 2015. № 1 (34). С. 179—187; *Давыдова А. Д.* Правовое положение осуждённых женщин // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 4 (99). С. 102—104.

⁵⁸ *Минстер М. В.* Указ. соч. С. 98—102; *Омельченко О. А.* Международные и европейские стандарты в сфере совместного содержания осуждённых к лишению свободы женщин с детьми // Российский следователь. 2016. № 5. С. 33—38; *Сошина Л. А.* Право осуждённой женщины-матери на контакт с ребёнком в некоторых нормах международного права // Сибирский юридический вестник. 2015. № 1. С. 73—79.

⁵⁹ *Минстер М. В.* Указ. соч. С. 99, 100.

⁶⁰ *Минстер М. В.* Указ. соч. С. 101.

⁶¹ *Сошина Л. А.* Указ. соч. С. 74, 78.

6. Заключение

Право ребёнка на общение с родителем, лишённым свободы, стало наполняться содержанием сравнительно недавно. Первоначально оно рассматривалось исключительно в контексте стандартов в области обращения с заключёнными, но в последнее десятилетие формулируется как самостоятельное право как на глобальном (Комитетом ООН по правам ребёнка), так и на региональном (Комитетом министров Совета Европы) уровне. Практика Европейского Суда, в первую очередь направленная на защиту права заключённого на семейную жизнь, представляется недостаточно ориентированной на интересы ребёнка, однако и она содержит важные для реализации права ребёнка стандарты относительно предоставления свиданий, их частоты и условий, в которых они проводятся. А учитывая недавнюю Рекомендацию Комитета министров «О детях, родители которых осуждены к тюремному заключению», свидетельствующую о консенсусе государств относительно важности защиты этой группы, можно ожидать, что и право ребёнка на общение с родителем, лишённым свободы, будет адресовано ЕСПЧ в ближайшем будущем.

Регулирование этого права в России не учитывает его развитие и регламентацию на международном уровне. В качестве самостоятельного права оно не закреплено. Его реализация через гарантии права лица, лишённого свободы, на общенье с семьёй, затруднительна по двум причинам. Во-первых, количество свиданий, положенных заключённым в соответствии с действующим законодательством, их продолжительность, а также зависимость от поведения заключённого, не соответствует международным стандартам. Во-вторых, реализация даже предусмотренных законом положений затруднительна в связи с тем, что осуждённые размещены в учреждениях далеко от дома, их семья зачастую испытывает недостаток средств, что препятствует частым поездкам, а в учреждениях нет достаточного количества комнат для проведения свиданий.

Интересно, что в российском академическом сообществе практически отсутствует дискуссия по данной тематике. Внимание учёных сосредоточено в основном на положении женщин-заключённых и их правах на воспитание детей и общение с ними, а также на по-

ложении детей, проживающих вместе с матерями-заключёнными. Между тем учёные Европы и США, несмотря на принципиально различный подход к правовому регулированию положения лиц, осуждённых к лишению свободы, согласны в том, что это право ребёнка является самостоятельным и подлежащим обеспечению государством.

Несмотря на то что право ребёнка на общение с родителем, лишённым свободы, не абсолютно, а государства обладают широкой свободой усмотрения в вопросах уголовно-правовой политики (меры, принимаемые государствами для обеспечения этого права, различны⁶²), возможность сохранить семейные отношения с родителем, лишённым свободы, не должна восприниматься как привилегия отдельных категорий заключённых⁶³. Обеспечение этого права в России требует от государства принятия целого комплекса мер, в том числе просветительских (причём целевой аудиторией должны быть как лица, лишённые свободы и их семьи, так и сотрудники учреждений пенитенциарной системы⁶⁴) и правовых (приведение законодательства в соответствие с международными стандартами). Разработать программу мер будет невозможно без системного сбора данных о соблюдении прав человека в этой области по всей территории России⁶⁵. Поэтому первым шагом должен стать именно этот; он же будет способствовать и развитию академического интереса к данной теме.

Библиографическое описание:

Кравчук Н. Право детей лиц, осуждённых к лишению свободы, на общение с ними: международный и российский контекст // *Международное правосудие.* 2019. № 4 (32). С. 70–86.

⁶² *King D.* Op. cit. P.12–13.

⁶³ *Covington R.* Op. cit. P.115.

⁶⁴ *Van der Meij M.* Children of Prisoners and Human Rights: The Forgotten Victims: LLM dissertation. International and European Public Law Department, Tilburg University, 2013. P.50.

⁶⁵ *Kleijssen J.* Children with Imprisoned Parents: It's Time to Act! // *European Journal of Parental Imprisonment.* Vol.5. 2017. P.6–7, 7.

The right of children of imprisoned parents to visit them: international and Russian contexts

Natalya Kravchuk

Candidate of Science (Ph.D.) in Law, Senior Research Fellow, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (e-mail: natkravchuk@mail.ru).

Abstract

Children of imprisoned persons were not considered a vulnerable group with specific needs and interests until recently. During last several years, however, international bodies adopted documents that provided for rights of these children that should be particularly noted by governments, including the right to maintain the contact with the imprisoned parent. Presently this right is interpreted as a separate right of the child and not only as a right of an imprisoned parent both on a global level by the UN Committee on the rights of the child and on the regional level by the Council of Europe Committee of Ministers. The European Court of human rights had not so far considered the cases on the family life of imprisoned persons from the perspective of the rights and interests of the child, but its jurisprudence contributes to setting standards of permissible restriction or prohibition, as well as conditions of visits. Depending on specifics of normative regulation of rights of imprisoned persons scholars refer to various obstacles to realization of the right of the child to maintain contact with them. The key problem in USA is that the incarceration of mother might be taken as a reason to begin parental authority termination proceedings. European scholars refer to the necessity to guarantee procedural rights of the child as well as his/her right to privacy. The attention of Russian academic circles is focused on the situation of children residing with their imprisoned mothers, while the right of the child left outside of the institution is considered through the right of imprisoned mother to contact with the family. Realization of the right in question in Russia is undermined not only by the fact that it is not provided for in penal law, but also by the fact that the norms which regulate the right of the imprisoned person to family life are not in accordance with the international standards — it depends on his/her personality and behavior, are of a discriminatory nature, and are not applied in practice. Guaranteeing this right would request an adoption of the whole spectrum of measures. The first one should be the introduction of system of collection of information on the matter across the territory of the Russian Federation.

Keywords

Rights of the child; incarcerated parents; imprisoned parents; right to maintain contact with parent; Russian penal legislation; UN Convention on the Rights of the Child; European Court of Human Rights.

Citation

Kravchuk N. (2019) Pravo detey lits, osuzhdyonnykh k lisheniyu svobody, na obshchenie s nimi: mezhdunarodnyy i rossiyskiy kontekst [The right of children of imprisoned parents to visit them: international and Russian contexts]. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, vol. 9, no. 4, pp. 70–86. (In Russian).

References

Abashidze A. A. (2018) Usiliya gosudarstva po uluchsheniyu uchasti beremennykh zhenshchin i zhenshchin s malen'kimi det'mi v mestakh lisheniya svobody [State efforts to improve the faith of pregnant women and women with small children in detention facilities]. Proceedings of the *Aktual'nye problemy sovremennogo mezhdunarodnogo prava*, 22 April 2017, Moscow, pp. 10–21. (In Russian).

- Bardol S. (2018) Oregon's Bill of Rights for Children of Incarcerated Parents: A Step in the Right Direction. *Oregon Law Review*, vol. 97, no. 1, pp. 255–275.
- Boudin C. (2011) Children of Incarcerated Parents: The Child's Constitutional Right to the Family Relationship. *Journal of Criminal Law and Criminology*, vol. 101, no. 1, pp. 77–118.
- Bouregba A. (2016) Resettlement and the Importance of Family Ties. *European Journal of Parental Imprisonment*, vol. 4, pp. 3–4.
- Covington R. (2016) Incarcerated Mother, Invisible Child. *Emory International Law Review*, vol. 31, no. 1, pp. 99–133.
- Davydova A. D. (2017) Pravovoe polozhenie osuzhdyonnykh zhenshchin [Legal status of convicted women]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, vol. 99, no. 4, pp. 102–104. (In Russian).
- Haász V. (2017) *Children of Imprisoned Parents – A Child Rights Perspective*: Seminar paper, “Fostering Human Rights among European Policies” project, Venice: European Inter-University Centre for Human Rights and Democratization.
- Halter E. (2018) Parental Prisoners: The Incarcerated Mother's Constitutional Right to Parent. *Journal of Criminal Law and Criminology*, vol. 108, no. 3, pp. 539–567.
- King D. (2002) Parents, Children & Prison: Effects of Parental Imprisonment on Children. Research Report Commissioned by the Combat Poverty Agency, Ireland. Available at: <https://arrow.dit.ie/cgi/viewcontent.cgi?article=1011&context=cserrep> (accessed: 03.09.2019).
- Kleijssen J. (2017) Children with Imprisoned Parents: It's Time to Act! *European Journal of Parental Imprisonment*, vol. 5, pp. 6–7.
- Nesterov A. Yu. (2016) Deti, rozhdyonnye v tyur'me: ikh zhiznennye traektorii (problemy sotsializatsii i postpenitentsiarnoy adaptatsii): voprosy teorii i praktiki [Children born in prison: path of life (problems of socialization and adaptation of post-penitentiary): questions of theory and practice]. Proceedings of the *Kontseptsii fundamental'nykh i prikladnykh issledovaniy*, 13 November 2016, Omsk, pp. 178–203. (In Russian).
- Noffke A. (2017) Data Collection: Ethical Considerations and Practical Challenges. *European Journal of Parental Imprisonment*, vol. 5, pp. 4–5.
- Liefwaard T. (2015) Rights of Children of Incarcerated Parents: Towards More Procedural Safeguards. *European Journal of Parental Imprisonment*, vol. 1, pp. 13–15.
- McCormick A. V., Millar H. A., Paddock G. B. (2014) In the Best Interests of the Child: Strategies for Recognizing and Supporting Canada's At-Risk Population of Children with Incarcerated Parents. Vancouver: University of the Fraser Valley Center for Safe Schools and Communities. Available at: https://cjr.ufv.ca/wp-content/uploads/2015/05/Children-with-Incarcerated-Parents_Amended.pdf (accessed: 06.09.2019).
- Minster M. V. (2016) Pravovoe regulirovanie i praktika realizatsii prava na svidaniya zhenshchin, osuzhdyonnykh k lisheniyu svobody [Legal regulation and practice of realization of a right to visitation of women, sentenced to imprisonment]. *Vestnik Sibirskogo universiteta potrebitel'skoy kooperatsii*, vol. 18, no. 3–4, pp. 98–102. (In Russian).
- Müller Ph., Rodrigues P. (2018) Infants Living with Mothers in Prison: A Father's Perspective. *European Journal of Parental Imprisonment*, vol. 7, pp. 12–14.
- Omel'chenko O. A. (2015) Pravovoe polozhenie beremennykh zhenshchin i zhenshchin s maloletnimi det'mi v mestakh lisheniya svobody na raznykh etapakh istoricheskogo pravovogo razvitiya rossiyskogo gosudarstva [Legal status of pregnant women and women with minor children in detention facilities on different stages of historical and legal de-

- velopment of Russian state]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*, vol. 34, no. 1, pp. 179–187. (In Russian).
- Omel'chenko O. A. (2016) Mezhdunarodnye i evropeyskie standarty v sfere sovmestnogo sodержaniya osuzhdyonnykh k lisheniyu svobody zhenshchin s det'mi [International and European standards in the sphere of support of women, sentenced to imprisonment, with children]. *Rossiyskiy sledovatel'*, no. 5, pp. 33–38. (In Russian).
- Osipova T. V., Kopylova N. A. (2016) Mery popecheniya o detyah, ostavshikhsya bez prismoetra i pomoshchi v svyazi s zaderzhaniem ili zaklyucheniem obvinyaemogo pod strazhu [Measures of care about children, left without supervision following the arrest or detention of a suspect]. *Vestnik Habarovskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*, no. 3, pp. 78–82. (In Russian).
- Parkes A., Donson F. (2018) Developing a Child's Right to Effective Contact with a Father in Prison – An Irish Perspective. *Child Care in Practice*, vol. 24, no. 2, pp. 148–163.
- Philbrick K., Ayre L., Lynn H. (eds.) (2014) *Children of Imprisoned Parents: European Perspectives on Good Practice*, Paris: Children of Prisoners Europe.
- Philbrick K. (2018) The New Council of Europe Recommendation and Children Living with a Parent in Prison. *European Journal of Parental Imprisonment*, vol. 7, pp. 8–9.
- Robertson O. (2015) Child Rights: Some Long-Term Perspectives. *European Journal of Parental Imprisonment*, vol. 1, pp. 22–23.
- Scharff-Smith P., Gampell L. (eds.) (2011) *Children of Imprisoned Parents*, Denmark: Jes Ellehauge Hansen.
- Schoenbauer L. J. (1986) Incarcerated Parents and Their Children – Forgotten Families. *Law and Inequality: A Journal of Theory and Practice*, vol. 4, no. 3, pp. 579–601.
- Soshina L. A. (2015) Pravo osuzhdyonnoy zhenshchiny-materi na kontakt s rebyonkom v nekotorykh normakh mezhdunarodnogo prava [The right of convicted woman-mother to contact with the child in some norms of international law]. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik*, no. 1, pp. 73–79. (In Russian).
- Van der Meij M. (2013) *Children of Prisoners and Human Rights: The Forgotten Victims*: LLM dissertation, International and European Public Law Department, Tilburg University.